

Эдуард Бояков: Здравствуйте. Одиннадцать часов. Мы начинаем нашу сессию. Добрый день, доброе утро. Ждем мы некоторых спикеров, у нас они почти все, но не все. Итак, дорогие друзья, мы начинаем сессию, посвященную культурной политике, культурной среде и ценностям. Мы очень рады, что организаторы форума, который называется «Экономический» посчитали возможным и имеющим смысл провести такую сессию, поговорить о проблемах нашей жизни, нашей цивилизации, нашей экономики в том числе, в разрезе культурной политики.

И я не буду начинать с какого-то доклада. Может быть, я позволю себе чуть более пространно после того, как все спикеры сегодня скажут. Это, конечно, зависит и от регламента. У нас полтора часа, и на то, чтобы послушать нас, семь гостей заявлено в сегодняшней секции, и на то, чтобы какую-то провести дискуссию, обменяться впечатлениями.

Наших спикеров я буду представлять по мере того, как они возьмут слово. Не буду сейчас общего представления делать. И попрошу первой выступить Каринэ Геворгян – политолога, востоковеда, уважаемого нами мыслителя. Рассуждения Каринэ о геополитике, о новом мировом раскладе, очень часто имея темой и предметом политику, геополитику, широкую политику, тем не менее, мне очень важны и ценны, именно потому, что Каринэ ориентируется на вопрос культурного кода, культурного взаимодействия, культурного соответствия и возможности коммуникации и резонанса одной культуры с другой культурой.

Мы сейчас, совершенно очевидно, переживаем момент перехода. Видимые плоскости, видимые процессы, они в области политики, а иногда и в трагических формах, таких как военные действия. Но в основе всего и в основе политики, и в основе военных действий лежат серьезные ключи, серьезные культурные коды, о которых, я надеюсь, мы сегодня и поговорим. Каринэ, вам слово. У нас по восемь минут у каждого спикера. Я буду очень жестко следить за временем.

Каринэ Геворгян: Я надеюсь начать с обнадеживающего, извините за тавтологию. И, может быть, закончить тем же. Живем в переходную эпоху, этому были вчера посвящены всякие заседания Московского экономического форума, и это очевидно. В этих условиях я сторонник и очень серьезно отношусь к теории локальных цивилизаций, изначально, как вы знаете, основа теории создана славянофилом Данилевским. Потом развита Шпенглером и Тойнби.

Голос из зала: Хантингтон.

Каринэ Геворгян: Ну, Хантингтон – это вторично. Мне кажется, что зря вы его упомянули, потому что, с моей точки зрения, он человек малокультурный, честно. У него очень бедненький культурный, как говорят по-английски бэкграунд, смешно его читать. и поэтому возражения Хантингтона со стороны Вадима Цымбурского были более интересны, чем работа самого Хантингтона о конфликте цивилизаций, честно слово, в про и контра, кстати.

И его работа «Остров Россия», например. Где-то он потом пересмотрел это. Ну зря вы его упомянули, а то это съело мое время.

В этот переходный период перед нами открывается огромное поле работы, потому что, как в том анекдоте, шаг вперед нацмены (представители нацменьшинств), в армии новобранцы.

«Вы кто?» Там, Цахур, ительмен, неважно, ингерманландец и так далее. Наконец, доходит до парня, он говорит: «А вы кто?» Говорит: «Еврей». Он говорит: «Встаньте в строй, вы нация». Понимаете, нам надо встать в строй и держать этот строй, потому что русская цивилизация обладает удивительными качествами. В политическом плане она проецируется на то, чтобы создавать не колониальную империю. Вот батюшка сидит. А империя, с богословской точки зрения, насколько я знаю, – это реальная территория, политическая территория, спасение души. Правильно? Это территория спасения, все, в нашем понимании.

Так мы и действуем бессознательно. Мы можем об этом и не знать, но мы бессознательно так действуем. С одной стороны, мы не пытаемся насильственно менять идентичность тех или иных людей, поэтому Каринэ Александровна не Мария Ивановна Петрова. В данном случае, никакой проблемы у любого представителя какой бы то ни было этнической или конфессиональной группы. А с другой стороны, мы существуем под охраной этой русской цивилизации. И она будет профилировать. Она уже начала. Криво-косо, спецоперация на Украине... Разумеется, никогда не бывает прямо, стопроцентно, удачно сразу. Ну не бывает так, все, не надо расстраиваться. Но мы будем распространяться, все.

Мы ужались, мы опять распространяемся. Потому что империя, как говорил Николай Николаевич Лисовой, он играл созвучием и говорил – ее должно распирать. У нее должна быть та социальная энергия, которая заставляет ее распирать. Но не ломая других через колено. И теперь маленькая справка, поскольку немного времени, я не хочу съедать время других спикеров.

Когда-то я написала абсолютно неудачное эссе, названное «Матрицы и парадигмы». Иначе, у каждой цивилизации, так или иначе, сформировалась своя органическая матрица. И у нас она есть. Поэтому мы сейчас сетуем по поводу системы образования, о том, что наши дети чего-то не знают. Они по-русски говорят – все, этого достаточно, я вас уверяю, для того чтобы их перевербовать. Им засадили такую программу, это означает, нужно просто заменить эту программу. Просто нам нужно работать и это поле работы огромно. Матрицы и парадигмы – о чем это.

Дело в том, что говорят сейчас много о нашем политическом, экономическом развороте на Восток. Это правда очень серьезно. Я против. Я не считаю нашу страну флюгером, которая должна куда-то разворачиваться. Давайте встанем – это называется самостояние. Можно процитировать Пушкина?

Эдуард Бояков: Можно.

Каринэ Геворгян:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека
Залог величия его.

Поэтому не надо нам никуда. Мы не флюгер, чтобы крутиться – восток, запад, север, юг. Мы что, вообще? Встанем спокойно, куда надо будет, поворачивать голову. Поэтому мы должны быть спортивные, энергичные, доброжелательные, понимающие. Мы любознательные. Поэтому я могу сказать, что с иранской цивилизацией – а я по базовому образованию иранист и закончила Иранское отделение института стран Азии и Африки Московского государственного университета. У нас много общего, но мы пока об этом в массе мало знаем. И то, что привнесли иранцы и подарили всему человечеству, совершенно не скупясь, прямо скажем, это Кодекс рыцаря, например. Мало? То есть представление о благородстве, вообще, и именно как кодекс поведения. Крестоносцы это заимствовали, придя в Святую землю, и с этим познакомились. И потом уже увезли это в Европу.

При этом, я далека от того, чтобы от обиды, именно политической обиды, недооценивать вклад европейских цивилизаций, в том числе в общую мировую копилку.

Мы прекрасно это освоили. Иранцы, как и мы, умеют адаптировать, не меняясь сами, не меняя собственную идентичность. У них принцип самостояния явлен в полной мере. Хорошие примеры есть, и нам нужно придерживаться того же самого. И я думаю, эта матрица заработает. А почему она заработает, почему я так оптимистично отношусь в том числе к нашей совершенно оболваненной молодежи?

Если еще позволите, по поводу актуальных событий, по поводу этой молодой женщины, которая совершила теракт в Санкт-Петербурге. Прошу обратить внимание, по какому образу, навязанному из современных, в том числе фэнтези, она действовала. Там все четко. можете посмотреть в моем телеграм-канале, там была опубликована статья моей дочери. Она педагог, она тут же разобралась.

Нужно с этим спокойно разбираться. Готовить сейчас нам предстоит, и в основном, я считаю, что огромная работа, возможно, предстоит именно русской православной церкви, в том плане, что все эти люди подверглись воздействию тоталитарных сект. В реальности это все – вот Украина – это тоталитарные секты, всё. И на общество наше тоже было

осуществлено это воздействие. Нужна реабилитация. Она возможна. По срокам она меньше, чем воздействия этих тоталитарщиков, извините.

И кроме всего прочего, я сказала, наша молодежь говорит по-русски. Да, может быть, она плохо говорит по-русски. Кстати, обращайтесь внимание... Это на заметку. Что меня коробит. Я родилась и выросла в Москве, и моей бунной была Елизавета Константиновна Сон, один из ведущих педагогов художественного слова для студентов театральных вузов. Меня коробит интонация, меня не лексика даже их коробит. С лексикой можно как-то обойтись, а вот интонация у них не русская. Уходит русская интонация, музыка речи. То есть мозг начинает по-другому вибрировать, другие вибрации происходят.

Тем не менее, нужно возвращать интонацию, прежде всего, потом лексику. Потому что у нас говорят, вот, речь замусорена, много англицизмов. Но что делать, все их понимают, я вот тоже сейчас использовала, но я могу без них обойтись. Но это не самое страшное. Самое страшное – это интонация. Я вас уверяю. Потому что вот эта мелодика речи, русская интонация невероятно богата, одна из самых богатых, язык с очень богатой интонацией, конечно. Я, поскольку владею несколькими языками, об этом говорю абсолютно ответственно и без всякого квасного патриотизма, я просто констатирую факт.

А дальше, что говорили о русском языке классики, я цитировать не буду. Спасибо за внимание.

Голос из зала: Можно вопрос?

Эдуард Бояков: Нет, нельзя. Мы выступаем, у нас регламент, простите. Спасибо большое, Каринэ. Мы продолжаем наш разговор. И я прошу отца Василия выступить. Очень важно, мне кажется, во всех отношениях, и в смысле знаковости клириков нашей церкви, и в смысле поиска содержания. Разговор о культурной политике, о культуре не возможен, по моему глубокому убеждению, без осознания того, без разговора о том, какую роль играла в нашей истории православная культура и продолжает играть.

Василий Гелеван имеет обширную биографию, мы немножечко об этом говорим в материалах, которые представляют наших спикеров. Но то, что отец служил, с одной стороны, в Рио-де-Жанейро, а с другой стороны, в храме, в подворье десантных войск.

Сейчас, договариваясь со мной об участии в сегодняшней сессии, Василий Гелеван упомянул свое служение в качестве больничного священника, извинившись, сказал, что его могут в любой момент вызвать, и мы, конечно, это все понимаем. Кроме этого, Отец Василий – ведущий передачи на телеканале «Спас», и мне тоже с ним было очень приятно в эфире оказаться. Отче, спасибо, вам слово.

Василий Гелеван: Приветствую всех вас. Дорого Эдуард, спасибо за приглашение. Когда я думал о тех словах, которые мне хочется выразить, то я пришел вот к чему – нет ничего важнее любви. мы буквально сегодня об этом говорили со спикерами. Если будет любовь, тогда будет все хорошо. Если ее не будет, то без нее все ничто. Сегодня русская православная церковь находится на стадии своего роста. Мы уже 30 лет наблюдаем период

свободного слова, когда священнослужитель, мирянин может без оглядки говорить о Христе. Но вот мне хочется подчеркнуть такую мысль, что вся наша жизнь, каждое наше слово, они христоцентричны. Вот в этом корень всей русской культуры, я глубоко убежден. В этом наш культ. Слова однокоренные. И, когда мы посмотрим Писание, мы увидим, что первые люди, первое что делали, это возносили молитву. Это был Каин и Авель, которые вместе сотворили жертвенники, и принесли каждый по-своему. Это был Ной, который с первых же шагов, как только вступил на землю, устроил жертвенники, принес вот эту самую жертву богу.

Вспоминаю, еще в начале 1980-х мой папа взял меня в Орел, мы тогда жили в Орле, и мы куда-то с ним должны были переместиться на такси. Водитель через несколько минут разговора задал такой вопрос: «А, вы служитель культа?» Мой папа протоиерей и четыре брата мои тоже священники. В тот день, в том автомобиле я первый раз услышал это слово. А потом у меня был повод задуматься поглубже о нем, когда я пошел учиться музыке. Да, я дирижер-хоровик. И мне очень близко то, что сейчас звучало. Потому что да, культ и культура.

А потом Господь привел меня на ту сторону океана, и там мне довелось задуматься о том, а каков есть код у этих людей. Бразилия, там три этноса, и в то же время, эти три составляют единый народ. И культура достаточно молодая, и открытая в том числе для влияния из России. Это очень приятно, что Русский храм там есть, и звучит молитва. Это очень приятно, что в целом, мы умеем что сказать, я это понял. У нас есть что сказать не только бразильцам, любому человеку на земле. Я видел, с каким энтузиазмом люди приходили.

Русский храм – единственный в четырнадцатимиллионном городе, русский православный храм. И я не стеснялся говорить с акцентом, но, извините, я родился все-таки в России и это русский храм. Меня поддержали местные прихожане, сказали: «Батюшка, не волнуйся, не переживай, что у тебя акцент. Это даже хорошо, потому что есть шарм». Ну да, есть аутентичность в этом, что ты говоришь с акцентом. Неважно, зато мы действительно говорили. Кстати, в рамках культуры. Есть такая радиостанция «Голос России», в том числе в Рио-де-Жанейро, там вещают на португальском языке. И я на португальском говорил о Русской культуре, прежде всего, о русских культурных традициях.

Они все христоцентричны, вот все, что мы говорим. Возьмем, например, слово, которое имеет очень большое значение сегодня, оно происходит от слова «победа». Глагол в единственном числе настоящего времени или будущего времени – что я сделаю? А я не могу этого выразить. Победу, побегу – что я сделаю? А ничего я не сделаю.

А в Евангелие Христос говорит: «Без меня не можете творить ничего». А вот мы с богом, мы все можем, мы победим. Мы как общность. Когда мы литургию начинаем, мы первое, что говорим, это «Мирная ектения». Но только это не так, как у Льва Николаевича, там он почему-то комментирует, что это миром – всем мира. Нет, миром – в значении «с душевным состоянием». В мире, в состоянии покоя или такой уверенности, что ты не один,

что с нами бог. Вот тогда мы можем, действительно, и должны победить, всегда. И будем жить, потому что Христос посреди нас, потому что он нам содействует.

И вся литургия, которую мы совершаем – ведь это общее дело, именно так переводится, именно этот смысл заложили литургисты, когда оставили нам самое главное, нашу молитву преосуществления. Это общее дело – λειτουργία. Но, в то же время, есть и частные требы. Есть одна книга, которую я никак не смог перевести на португальский. Она в России называется «Требник». Для тех, кто не знает, я поясню. В этой книге содержатся частные богослужения. В отличие от литургии, общего дела, когда мы все собираемся в одном помещении и славим Христа, это служба, которая совершается по просьбе конкретного человека.

Скажем, надо пойти в больницу, причастить – последовательность изложена в этой книге. Надо освятить квартиру или освятить колесницу, надо покрестить ребенка или повенчать – все это частные требования. Требование от слова «жажда», от слово «необходимо». Он требует, потому что ему это очень важно. Я думал в этом роде найти какое-то подходящее слово. Оказалось, нет, дело еще глубже. Оказывается, требник, это слово пришло к нам еще до христианских времен, еще старые языческие жрецы использовали это слово, и оно имеет мистическое значение. Треба – это жертва, это культ. Вот что такое треба. Поэтому «Требник» лучше не переводить вообще, как многие русские слова, лучше бы вообще не переводить. Как лучше всего переводить «Требник»? Латинскими буквами написали – Trebnik. А дальше все в комментарии.

И вот так можно комментировать все. Но нам с вами нужно понять, что вот здесь, в середине русской культуры, Господь-бог Христос, наша русская словесность – это словесность, которая вышла из Священного Писания. Две первые книги, которые равноапостольные Кирилл и Мефодий привезли с собой в качестве основы для русской словесности – это было Евангелие, и это было житие святого угодника божия, его звали Алексей, «человек божий». очень трогательное житие, я каждому советую это прочитать. Ну вот так, со Священного Писания, с жития святых началась русская словесность. И мы можем проследить влияние Евангелия на нашей литературе либо на нашем искусстве изобразительном – в любой сфере нашей культурной деятельности. Это выражение евангельского слова.

Есть у меня еще время? Хорошо. Дорогие друзья, я очень рад, что сегодня здесь. Мне, правда, приятно и немножко неожиданно. Это Экономический форум, я подумал: «Да, хорошо, что у нас люди думают об экономике. Хорошо, что есть люди, которые должны и способны думать о геополитике». Но я подумал: «А как все это возможно, если нет Христа во всем этом?» По-моему, нет смысла вообще нив чем, ни в каком земном преуспении нет смысла, если оно не имеет перспективу вечности. И только в свете вечной жизни все, действительно, приобретает глубочайший смысл. Потому что, когда ты освобождаешь людей, ты должен понимать, от чего ты освобождаешь и ради чего ты берешь в руки оружие и идешь.

Сегодня, сейчас мы все переживаем за Киево-Печерскую лавру и за Почаевскую Успенскую лавру, и за все, что происходит в духовной жизни Украины. Как дербанят, как стараются уничтожить сам код христианский, саму ценность, сердцевину наших городов русских. Поэтому все мы молимся о том, чтобы рано или поздно восторжествовала правда. Я совсем не сторонник пророчеств, поверьте, я больше стараюсь проанализировать и понять, что происходит.

Но все же, я, в завершение своего слова, процитирую старца Зосима из Донбасса, который сказал вот какие вещи. Это был святой угодник божий и он всегда в десятку говорил. Он говорит: «Молюсь, очень много молюсь. Сколько не молюсь за Киев, все вижу только черную дыру».

И еще одно слово, которое принадлежит отцу Зосиме, она сказал: «После того, как падет лавра, пройдет еще буквально шесть месяцев, и лавру освободят, и весь Киев освободят». Уж не знаю, как геополитика отреагирует на это пророчество, но мне остается молиться. И я действительно верю, пусть не шесть месяцев, пусть это даже будет что-то другое, может, раньше, может, позже, но я глубоко убежден, если мы под стягом Христа пойдем, тогда с нами бог, и тогда, действительно, мы объединим снова наше единое культурное пространство. Спасибо вам.

Эдуард Бояков: Спасибо, Отец Василий. Благодарю за эти слова. Дмитрий Карпов, прошу, можешь здесь, как удобнее. Я думаю, что вам уже становится понятен принцип нашей секции. Мы избежали, мы не хотели собрать людей, которые согласованно будет говорить в одном ключе и в одной интонации, буду употреблять это ключевое слово. Потому что и Каринэ сказала об интонации, и Василий Гелеван тоже говорил о своем акценте, как о уникальном носителе вот этого уникального сообщения. Каждый из нас, я думаю, имеет что-то свое персональное, душевное, духовное сказать.

Дмитрий Карпов, педагог очень серьезных учебных заведений, в том числе и западных. Мой товарищ, человек, который воспитал огромное число представителей поколения молодых, того самого креативного класса, об отношениях с которыми мы очень много говорим, беспокоимся, понимая, что за ними будущее, за этой молодежью. Им жить в нашей стране, и ей, этой молодежи строить Россию и побеждать. Пожалуйста, Дмитрий.

Дмитрий Карпов: Да, коллеги, друзья, несколько моментов, которые мне хотелось бы тезисно отметить. Первое, конечно, мы должны видеть, какие могут быть ближайшие стратегии, причем, стратегии, как позитивные для нас, так и негативные для нас. И одной из негативных стратегий является попытка самостоятельной самоизоляции. Когда мы понимаем, что нашу культуру отменяют, это, на самом деле, разрушает западную культуру, потому что она совершенно другие ценности транслировала столетиями. То есть индивидуальность, индивидуализм, частная собственность, отсутствие коллективной ответственности. Мы видим, как многие институты западные сами испытывают кризис, потому что им навязана абсолютная политическая повестка.

Мы должны стать, наоборот, той цивилизацией, которая... В моем представлении, западную цивилизацию нельзя представлять сразу всю, она абсолютно разная, фрагментированная. Но общая ее черта – это самоуверенность. То есть то, как британец или американец говорит о своей культуре и о своей позиции, он говорит очень прямо всегда. Он говорит: «Это наш национальный интерес и точка». End of discussion, конец дискуссии на этот счет. Мы определились.

Русская культура, наша культура, она всегда про сомнения. Вся наша литература про сомнения, вся наша творческая жизнь про сомнения. И это, конечно, продиктовано и православной традицией, потому что мы знаем, что истина принадлежит высшим смыслам. И поэтому мой тезис – сейчас не время выстраивать стратегии самоизоляции. Мы должны продолжать накапливать в нашей цивилизации, самостоятельной цивилизации, те образцы цивилизации всех мировых, которые есть.

Я здесь с коллегами абсолютно согласен. Мы должны реализовать здесь то, что не реализовал запад. То есть те институты гуманизма, открытого диалога, принятия разных точек зрения и реализации их. Но, при этом, мы должны точно понимать, что культура вообще – это про границы, про допустимое и про обеспечение безопасности этих границ. Поэтому мы должны быть готовы к колоссальным сейчас, большим внутренним нашим, проектам, связанным с образованием, с тем, что мы должны по-другому начать общаться о внутренних проблемах.

Что должно произойти в образовании, например, как мне представляется. Мы должны больше дать возможностей изучать мышление вообще.

Если западная модель больше про рациональное, то мы должны говорить и про рациональное, и про интуитивное, творческое, креативное – совершенно разные виды мышления, которые есть, которые присутствуют, которые должны с детства у человека закрепляться. Есть вещи, которые должны пойти изнутри наружу в мир и удивлять. И мы должны иметь сейчас амбицию. Потому что нас отделили, нас выделили во что-то отдельное, страшное, пугающее, создали абсолютно другой образ. И мы должны сказать – как хорошо, мы теперь спокойно под этим куполом сможем реализоваться, потому что никто не будет нас поучать, какими нам быть.

У нас все книги есть. Но очень важный момент. Мы очень часто ориентируемся на опору прошлого, как на некоторые фундаменты – это правильно. Но мы должны этот строительный материал использовать для будущего. То есть как мы можем эти древние камни выстроить в совершенно новую архитектуру, которая запоет по-другому, но теми же словами и теми же смыслами. А это уже вопрос креативного мышления. Творческое мышление и креативное я отделяю. Я сейчас не хочу, это больше займет времени. Но первое, это обучение с детства. Дети – наше следующее поколение, вложиться в это поколение. Создать поколение талантливых инженеров, создать поколение талантливых коммуникаторов, то есть людей, которые умеют объяснять.

Потому что огромная наша территория – это, действительно, территория культурных совершенно разных противоречий, которые нашли разрешение, и этот опыт нужен миру. Не везде в мире так научились сосуществовать разные религии и разные народы, имея абсолютно жесточайшие конфликты в своем прошлом. Несколько десятилетий назад в горах Кавказа в радиозфере звучат голоса с той стороны наших противников, они говорят: «Мы будем с вами биться, пока мы будем живы. Мы будем вас убивать, мы будем вас резать. Вы никогда не будете спокойно жить». Я беру рацию и говорю: «Послушайте сюда, обращаясь на вы, через 10 лет у вас родится сын. И вы будете счастливы, что вы на своей земле, и что у вас родился сын. И вы очень захотите пригласить меня в гости, чтобы сказать спасибо, что вы обеспечили мир и безопасность, чтобы здесь рождались дети, говорили на вашем языке, сохранили вашу культуру, вашу религию, потому что это то, что делают русские всегда».

Мой британский коллега – не буду говорить, у него русская фамилия – говорит: «Мой дед русский, но он после войны ушел в Великобританию». Не будем обсуждать, какие причины могли его привести. «Я запомнил своего деда, что он смотрит на стол после еды, в ладошку собирает хлебные крошки и съедает. Я понимал, что вы, русские, какие-то особенные, у вас особенное отношение к хлебу, к долгу». И они мне звонят, когда у них по BBC идет сериал «Война и мир». Они говорят: «Подожди, объясни. Они в госпитале лежат, они перед смертью берут друг друга за руки. Они же ненавидят друг друга, почему они просят прощения? Объясни».

И вот наша задача сейчас – отказаться от любой попытки самоизоляции. Взять все различные цивилизационные модели, которые есть в мире, на востоке, на западе, неважно, и начинать их реализовывать здесь, в наших институтах, в нашем образовании, прививать эту культуру. Культуру сохранения цивилизационного, человеческого капитала. Начать можно с простого – ввести в школы предмет, который называется «Счастье». Просто начать изучать счастье, как предмет. Пусть об этом говорит мир, нам не важно на это обращать внимание. Но если мы будем те, кто изучает счастье, как психологию, как химию, как физику, как экономику, экономику счастья, мы на экономическом форуме. Мы придем к тому, что духовные практики учат нас тому же – как быть счастливыми, как быть свободными духовно. Мы понимаем, что счастье обретается, когда человек занимается своим делом и реализуется.

И вот в образовании очень правильно... Вот в Перми есть школа «Точка», она давно существует – общеобразовательная школа.

Это школа, в которой вместе с общеобразовательными предметами изучается еще и дизайн. И дети учатся к седьмому классу, что то, что они придумали, они могут это реализовать, это будет работать, приносить пользу. Поверьте, опыт, полученный на этом этапе жизни, позволяет им стать действительно созидательными людьми. Это очень важно, что у нас уже это есть, это всегда присутствовало в нашей культуре. С одной стороны, как колоссальное умение придумать то, что в мире никто не придумал еще. А второй момент

важный, мы не всегда умеем это реализовать. Умение реализовать надо закладывать с ранней школы.

Мое время закончилось. Вернее, мое время продолжается, закончилась та мысль. Но я бы хотел тезисом оставить – давайте модель будущего делать открытой всему миру не для того, чтобы весь мир пришел, что-то нам одобрил. Нет, наоборот, наши амбиции – отказаться сейчас... То есть научиться у запада только одному – сомневаться, но уверенно сомневаться. Вот наша задача – уверенно сомневаться. Так мы будем, по крайней мере, самими собой. Та самостоятельность, которая нужна, та автономия, которая нужна, она естественным образом будет вместе с нами. Спасибо

Эдуард Бояков: Спасибо, Дмитрий. Дмитрий Карпов. Я прекрасно понимаю, что у многих из присутствующих и из тех, кто уже сказал, есть желание прокомментировать, поспорить, что-то сказать свое. Но, тем не менее, я буду следовать той процедуре, которую мы уже заявили. Сергей Мардан – публицист, экономист, любимый наш радиоведущий.

Сергей Мардан: Спасибо. Человек эпохи возрождения.

Эдуард Бояков: Да.

Сергей Мардан: Хочется со всеми спорить, хочется сразу всех откомментировать. Сначала Дмитрию скажу, процитирую один голливудский сериал: «А кто тебе сказал, что ты должен быть счастливым?» Засело у меня в голове. Но это и будет в том числе темой моего обсуждения. Я же про пропаганду. В обострившейся сейчас информационной войне, или вообще в войне... То есть война же в разных измерениях – часть войны идет на Украине, другая часть идет прямо здесь, причем, не только в виде прямого террора, прежде всего, это война идей и война культур. И когда читаю я про себя или про своих коллег, или вижу очередные ролики, что упоротый я российский пропагандист, что-то там сказал – я понимаю, что все правильно делаю.

Да, конечно, я пропагандист, то есть у меня и оценка стоит по «Военной пропаганде», я всегда знал, что это профессия, которой нужно заниматься всерьез. Но начать я хотел бы немножечко с другого – по своей профессиональной деятельности. Но надеюсь, что зацеплю и всех остальных. Мне кажется, углубление в вопросы, изолировать нам от мира, не изолировать, поворачиваться нам на восток или повернуть на север, в Северный Ледовитый океан – это все вещи частные и попытка обмануть самих себя.

Мне сейчас просто пришла в голову мысль, что русские – это народ, вечно ревизионист. Не знаю, с какой периодичностью, раз в 30 лет, в 50, в 100 мы пересматриваем всю свою жизнь, жизнь нации, каемся, как умеем в данный исторический период. Говорим: «Все было неправильно, мы ошибались трагически». Начинаем с нуля. Хорошо, если мы до основания не рушим построенное здание, хотя, как правило, рушим. Посмотрите, на Москву, все ж туда ехали, тут нет ничего от Москвы 1950-х годов, и практически ничего от Москвы не то чтобы XVII, а даже XIX века. Вполне себе национальная традиция.

Поэтому сейчас мы вошли в ту стадию, когда нам нужно в очередной раз сказать себе, что мы идиоты. Мы, наше поколение, те, кому 40, 50, 60 лет – мы идиоты. Мы все профукали, мы сделали ставку не на то. Мы в конце 1980-х или в середине 1980-х в очередной раз поверили, что сейчас есть какие-то умные, которые нас вообще всему научат.

Как нам думать, какую музыку слушать, какие нам строить дома и, вообще, как устраивать свою жизнь. Мы упорно этим занимались, старательно выполняли всю домашку, каждый на своем месте. И в итоге пришли к тому, что нас развели, даже не как лохов, простите меня, как детей с особенностями. Цинично обидели. Причем, мы сделали все, чтобы нас обидели – в экономике, в политике, в культуре, в военном деле, в науке, вообще во всем. Вот эта попытка в очередной раз не думать своей головой... А мы с великим трудом после войны... В последние, в поздние, сталинские времена, Россия, которая тогда называлась Советским Союзом, как-то внутренне успокоилась, сказала себе, что мы сами знаем, как надо, и стала, по какому-то совершенно невероятному промыслу, действительно великой державой.

Великая держава – это не наличие ядерной бомбы, даже не территория. Но вот это ощущение того, что да, мы часть мира, но советская наука – это великая наука. Советская литература, при всех особенностях идеологического государства, она породила, действительно, очень больших писателей и совершенно гениальных композиторов, например, – тоже странный, необъяснимый феномен. То, о чем говорила Каринэ – это самостоятельность. Вот краткий период за последние, наверное, 200 лет, когда Россия ощущала себя самостоятельной, самобытной... Даже не придумаю название – цивилизацией, не цивилизацией.

Это все самообманка, какая-то психотерапия. Ну давайте мы назовем себя цивилизацией, нам от этого легче станет? У нас у каждого римские латы образуются на плечах, или мы все оденемся в тоги и пойдем на симпозиум размышлять, обсуждать какие-то невероятные, оригинальные философские идеи? Нет, ничего этого не будет, это все пустой разговор.

Еще одна вещь, про потерянное поколение. Это проистекает из первого моего тезиса. Мы не смеем предъявлять никаких претензий к молодежи. Это у молодежи есть шанс стать самобытными, в отличие от нас. Потому что это мы были глубоко вторичными во всем. Мы создавали бизнес, предполагали его продать через 10 лет, или вывести на IPO, а потом продать стратегическому партнеру – то, что я видел.

Я когда начинал заниматься журналистикой в великом «Коммерсанте», чему нас учили – нас учили принципам независимой западной журналистики. Сейчас прочел вчерашние, позавчерашние тексты, написанные людьми, примерно схожего моего профессионального опыта, вот эта западная журналистика превратилась в такую образцовую густапсовую пропаганду, что я снимаю шляпу, с одной стороны, понимаю, что так и надо на войне. А с другой стороны, я понимаю, что и Советский Союз в том числе погиб, потому что не было никакой пропаганды. И пропаганда сгнила уже к началу 1980-х. А сейчас ее вообще нет. Вместо пропаганды распили и освоение бюджета.

И вот новое поколение, возможно, сможет сформировать принципы и формы пропаганды – в культуре, в медиа, в чем угодно. Замечательно, можно читать любые книжки – американские, китайские, бразильские, немецкие – все, что угодно. Но, исходя, из совершенно высокомерного ощущения, что мы тут сами по себе, мы все равно умнее всех и возьмем только то, что нам кажется подходящим. Я думаю, что этому уже научиться не смогу, смогу только рефлексировать, переживать, осмысливать совершенные ошибки. А дети мои и ваши дети, и ваши внуки – да, они вполне могут... Они и пойдут этим путем, они вообще никому ничего не должны, они вообще другие, как мне кажется.

Когда мы говорим о том, что поколение потеряно, оно бескультурное, вы посмотрите на эту Трепову. Да не надо смотреть на Трепову. Трепова – это не то чтобы частный случай, это не частный случай, это результат целенаправленной работы просто.

И тут возникает вопрос – а где наша была работа? А ее не было просто. То есть была имитация, как и во всем, а они работали. Но не Треповы, вот эти 25, 30-летние, все с ними нормально. Они читают умные книжки, они слушают хорошую музыку, они создают мегапопулярные паблики в социальных сетях. А это и есть медиа. Медиа – это не все вот эти бесчисленные давным-давно протухшие порталы или телеканалы. Это не медиа, это мертвецы ходячие, забудьте про них. И вот те, кому по 35-40 лет, они создали и создают каждый день все эти новые медиа, которые и скрутят шею нашим врагам.

Батюшка, это вот по поводу любви. Я люблю их всех, конечно, но тут все равно кто-то один останется. Кто не с нами, тот против нас. Извините, пожалуйста, что сумбурно, но вот так.

Эдуард Бояков: Спасибо, Сергей. Дмитрий Кузнецов представляет следующую ветвь нашей дискуссии, следующую социальную страту. Дмитрий – депутат Государственной Думы, очень активно участвующий в обсуждении культурных вопросов. Его выступления, инициативы достаточно острые, громкие, часто касаются как раз нашей культурной политики. Один из немногих, как мне кажется, политиков, которые имеют свою интонацию и свой резон разговаривать и с министрами, и с представителями власти. Поэтому мы его пригласили на сегодняшнюю дискуссию, как своего товарища и соратника. Пожалуйста, Дмитрий.

Дмитрий Кузнецов: Спасибо огромное, что пригласили. А дискуссия же будет, да, еще? Ну да, хотелось бы. Я-то как раз пришел с корыстными целями, как депутат, получить указы от умных экспертов и специалистов, интеллектуалов, не побоюсь этого слова. Да, Эдуард? Обозначу, какие потребности нужно. Во-первых, конечно, грустная история, что Владлен Татарский, который погиб и который специфически воспитанной девушкой был убит – это мой помощник официальный по Госдуме. Мы делали с ним много разной работы, касающейся помощи нашей армии, нашим мобилизованным, нашим генералам. Потому что у Владлена большой опыт и понимание, и, конечно, он был очень важным элементом, для того чтобы спасти больше жизней, помочь губернаторам и нашим людям со звездочками большими, помогать им лучше выполнять свои задачи.

Но сейчас мы говорим про образование и, конечно, теракт, который произошел, убийство, которое произошло, во много следствие именно образования. То есть мы понимаем, что то, что случилось в 1991 году – распад Советского Союза, переход в криптоколониальное управление – было подготовлено как раз во многом именно системой образования. Потому что наши дорогие шестидесятники, при всем уважении к их многим искренним мотивам, конечно, они верили, что пальма выше березы, несмотря на то, что декларировали обратное, что солнце встает на западе, и всячески поддерживали культ святой заграницы. Самое лучшее, что может быть с человеком – это там быть. Если можно, переехать туда физически. Если нельзя, то переехать своим сообществом, а желательно всей страной туда. Но не взяли, не получилось. И вот, от обиды, что все это не произошло, закончилось убийством. Можно так к этой точке привести.

Как же это образование происходило. По сути, все мы понимаем, исторически, что поколение внуков сотрудников НКВД и первого ленинского призыва, они были отодвинуты от государственных постов высоких в позднесталинский период, брежневский период. Но они нашли для себя поле применения, как в гуманитарной сфере, и в образовании, в первую очередь. То есть, по сути, весь средний менеджмент и преподавательский состав в образовании стал прозападным, либеральным. И пока советское политбюро боролось с американским империализмом, занималось Афганистаном, это поколение занималось воспитанием, вербовкой и перепрошивкой молодого поколения.

Они забрали коммунистических бонз их детей и внуков. И то, что мы сейчас видим – процесс происходящего образования. Дмитрий говорил про то, что не надо закрываться от запада. Я не к тому, что надо закрываться от запада. Я могу сказать два слова, которые у меня есть на этот счет. На западе происходили похожие процессы. Из-за того, что сейчас я помогаю американским беженцам из Америки, из Европы, переселенцам консервативных ценностей придерживаются, переехать к нам в Россию. Я погрузился в эту историю. Это в основном верующие люди, православные, евангельские верующие. Католиков, кстати, почему-то нет почти.

У них тоже отъем детей происходит и происходил через образование. Почему они хотят переехать к нам – потому что там образование занято абсолютно по другим причинам, тоже занято либералами, глобалистами. И одна из главных причин, допустим, для американца, для желания переехать американцу в Россию – это то, что они не хотят, чтобы его ребенок попал под влияние либерально-клинической среды, которая делает из него общечеловека непонятного. Поэтому процесс, как ни странно, там тоже похожий происходит, но разного генезиса.

Проблема находится в воспитании молодого поколения. И так как до конца прошлого года я работал в Комитете по культуре Государственной Думы, естественно, образование в сфере культуры для меня было наиболее актуальной темой. И мы, в конце концов, в итоге долгой истории нашей с Министерством культуры пришли к тому, что мы договорились с Ольгой Борисовной Любимовой о том, что мы совместно, с одной стороны,

институционально поддержим новую патриотическую волну, а с другой стороны, поможем в воспитании новых политических кадров культуре, путем возрождения подмосковного МГИКа, института культуры.

Большое учебное заведение, кто-то даже удивляется, что это за заведение. Оно большое. Заведение, которое должно как раз стать кузницей кадров и быть кузницей кадров для всех сфер культуры – и коммерческого сектора, и государственного сектора, и общественного, и третьего сектора. К сожалению, у него это не получается, и вот наша задача – возродить это учебное заведение так, чтобы наконец это стало фабрикой производства просвещенных, патриотических, профессиональных, патриотически ориентированных менеджеров. И как раз наша задача – взять у либералов взять их детей, отобрать у них, в идеологическом смысле.

То есть, по сути, мы пользуемся их же оружием. Как говорил Владимир Владимирович Ленин, надо учиться у врагов, ничего в этом плохого нет, наоборот, есть только хорошее. Потому что инструменты не имеют никакого морального содержания, вопрос, как ты его применяешь. Поэтому я пришел сюда, для того чтобы получить идеи, предложения о том, – в рамках дискуссии я хотел бы их услышать – как учитывать весь мировой опыт, и позитивный, и негативный, наш русский опыт, нам; какие подходы положить в основание нашей работы конкретно по возрождению института культуры подмосковного. Это десятки тысяч выпускников каждый год, что-то такое, будет большое количество людей.

Потому что я нахожусь в составе рабочей группы по обновлению института. Мы должны, с одной стороны, провести конкурс на управляющие позиции института – ректора, проректоров. Но также главное – это определить подходы и целеполагание для работы института, потому что, видимо, раньше у министерства не было достаточно времени этим заниматься. Даже не то, как ты назовешь корабль, так он и поплывет, а как ты курс ему проложишь, туда он и попадет. Поэтому вот я бы хотел еще несколько секунд взять и призвать всех последующих выступающих дать мне какие-то наказы, которые я обещаю как депутат исполнить, именно с отсылкой на наше мероприятие в том числе, на наше совещание, на Московский экономический форум, на Эдуарда Буйкова и всех прочих ведущих интеллектуалов в сфере культуры.

Эдуард Бояков: Спасибо большое. Спасибо, Дмитрий. Олег Иванов. Приглашаю выступить Олега.

Мне кажется очень правильным и символичным является то, в каком русле наша дискуссия проходит. Подходит к концу список наших спикеров. Но, как вы все могли заметить, мы касаемся общих вопросов, вопросов культурной онтологии, вопросов именно культурогенеза. До выступления Дмитрия Кузнецова мы не говорили об институциях, конкретно, мы не говорили о театрах ни слова, ни слова о кинематографе. Может быть, в этом есть какая-то логика и, может, есть какая-то надежда, что мы придем от общего к частному, потому что сейчас мы переходим к конкретике, и Олег Иванов, очень серьезный исследователь, один из авторов и разработчиков основных документов, которые были с 2014 года и касались Стратегии культурной политики, основ культурной политики,

документов, которые принимались государством. Другой вопрос, как они реализовывались, эти документы? Но сам факт принятия этих стратегий, этих документов был достаточно серьезным событием.

Олег Иванов: Добрый день, уважаемые участники. Эдуард, спасибо за приглашение, потому что мне в этой палитре, которая сегодня складывается из выступающих, очень приятно находиться. Мне кажется, с нашими спикерами иногда разговариваем на разных языках, иногда имеем, вообще, противоположные точки зрения. Но мне кажется, что эта палитра и имеет очень высокую цену.

У меня здесь больше слайдов, чем нужно. Я в режиме пролистывания буду их показывать. Итак, 2014 год, нас было четверо людей, которые писали окончательную редакцию государственного доклада о государственной культурной политике, и, собственно, основы. Мы много спорили, я не буду сейчас рассказывать про эту внутреннюю кухню, как появился этот документ. Но самое важное, что отметили тогда все: и обсуждавшие, и которые увидели этот документ, что к культуре впервые стали относиться не как к маленькой сфере экономики, которая по своему объему уступает огромному количеству других сфер и не как к набору подведомственных организаций Министерства культуры, а как к культуре в широком смысле, потому что и наука, и промышленность, и технологии – все это является культурой для понимания культуры в широком смысле. Это самое основное достижение, которое было на уровне этого документа. Лично для меня всего пять слов, которые написаны на экране, оказались самыми существенными в этом документе «Основы государственной культурной политики в 2014 году», потому что меня интересовали механизмы, каким образом это должно быть реализовано.

Первое – это орган. Там речь шла про коррекционный совет высокоуровневый. Не просто Министерство культуры, которое занимается всем, включая телевизор и т.д. Коррекционный орган, который 20 Федеральных ведомств может объединять в едином каком-то стиле и обеспечивать реализацию высокоуровневой государственной культурной политики. Такого органа создано не было.

Стратегия была написана, и была еще одна редакция. Этот документ появился точно.

Третье – закон о культуре был провозглашен, шесть редакций этого закона с тех пор было создано. Ни одна из этих редакций не принята. Мы до сих пор живем внутри документа, который принят в 90-х годах, и, как лоскутное одеяло, до сих пор существует, и то это не закон о культуре, а основы законодательства о культуре, принятые в стародавние времена. Четвертое – фонд. Фонд не был создан, но появилась совокупность фондов. Была реализована модель многоканального финансирования инициатив каких-то, но я бы сказал, что я вижу в ней изъяны, потому что есть люди, которые ходят по кругу и получают везде, и нет какой-то итоговой синхронизации и гармонизации.

Пятое – мониторинг. Он тоже провален, потому что все показатели, которые предлагались для того, чтобы оценивать, насколько эффективно реализуется государственная культурная

политика, нужны количественные и качественные с преобладанием качественных. Я не знаю ни одного качественного показателя, который сейчас на уровне государства мог бы рассматриваться хотя бы в какой-то степени как вопрос.

В 2023 году, заметили вы или нет, очень тихо прошла новая редакция, то есть вышел Указ Президента «О поправках». Я бы хотел увидеть весь, но хочу сказать, что он более косметический, хотя, если меня спросить, что за это время произошло реально в государственной культурной политике и культуре, я бы сказал, что произошли чрезвычайно кардинальные вещи.

Это не связано с пандемией или с текущим очень сложным периодом. Я бы сказал, что за это время очень сильно изменились люди. В первых основах мы ставили цель в обеспечении доступности, в вовлечении в культурную деятельность. А сейчас, кстати, очень важно не столько участие, сколько вовлечение в творческую деятельность. У людей есть потребность такой самореализации – это, вообще, другой контекст, который заставляет смотреть на этот документ по-другому.

Эффекты пропущу. У нас с Эдуардом была когда-то работа, в которой мы три вида культурной политики рассматривали, которые отличались друг от друга совершенно, потому что, если выделены деньги один рубль, то, куда его потратить – приходится выбирать.

Либо это социальная культура для населения, когда мы, действительно, обеспечиваем доступ к благам, какие-то празднества организовываем. Это функционал министров культуры региональных. Стратегия брендинга и консолидации элит – это, когда ты работаешь с центром, обеспечиваешь наличие филармонии в регионе, то есть ты работаешь на элиту, но это другая политика. Она даже другую целевую аудиторию имеет и другие эффекты.

И, наконец, стратегия развития творческой экономики, и там же креативная индустрия, творческие кластеры – это работа с молодежью. Между прочим, все три направления альтернативны друг другу, и приходится делать выбор, если вы об этом не догадывались.

В 2018 году наше общее с Эдуардом воспоминание, которое нас тогда объединило – это «Екатеринбургский пульс» – уникальный проект, когда было выбрано 30 направлений областей культуры, и они анализировались комплексно. Было 50 экспертов, и принцип был такой, что перемешиваем теоретиков, практиков, местных людей, столичных людей – все перемешиваем для того, чтобы посмотреть комплексно на культуру. Мы всегда на культуру смотрим со стороны психологов, кино изучаем и т.д. Мы не видим, в целом, совокупности того, что происходит вокруг нас, и мы не понимаем, что такое культурная среда. Культурная среда отсутствует как в нормативном плане – у нас такая категория нормативно-регулируемая – так и в понимании, как устроена культурная среда, как она должна быть.

Что такое культурная среда, зачем изменять культурную среду, как изменять культурную среду, механизмы, и какие ожидаем последствия или результаты? Мы тогда придумали вот

такие три круга и очень ценили, что это у нас родилось в голове. Есть люди, которые заинтересованы в изменении культурной среды, есть люди, которые могут изменить культурную среду. Те, кто может изменить культурную среду, не всегда в этом заинтересован. То есть я поменяю культурную среду и уеду, живите.

И мы придумали третий круг – носители патриотических ценностей, то есть люди, которые здесь живут и хотят дальше здесь жить и растить своих детей. Уникальная ситуация найти человека, который находится на перекресте, который, во-первых, хочет менять культурную среду, во-вторых, который понимает, как это сделать, и может это сделать, и плюс к тому, чтобы он к этому относился, как к своей стране, как к своей малой и большой Родине.

Был большой наш доклад-презентация, эта работа имела очень важные последствия, но мой пафос заключается в том, что такие исследования культурной среды должны быть обычным нормальным делом, когда мы говорим о культуре и о культурном развитии.

И последний сюжет, парламентские слушания в Совете Федерации 10 апреля 2018 года. Мы тогда вытащили документ, который составили пять человек: Бояков, Журавский, Карпушкин, Иванов и Чупшева Светлана. Это фрейм, который мы использовали в модели национальной культурной инициативы. Мы разработали эту инициативу и вынесли на обсуждение. В этой инициативе в концепции формирование культурного сообщества, и исследование разработки как важнейшее звено, потому что нельзя создавать культурные кластеры, какие-то пространства, отстраивать какие-то коробки домов культуры, пока ты не понимаешь общего контекста, и на что это ложится. Пока ты не понимаешь, какую музыку слушают наши дети, пока ты не понимаешь, что нарисовано на заборе, какая архитектурная среда тебя окружает и т.д. Мы все с культурой работаем как-то по частям. Даже индекс культурной среды был придуман.

Национальная культурная инициатива – система мер, которые направлены на артикуляцию и сохранение культурных ценностей, формирование и удержание в ней творческих лидеров, укрепление статуса России. Я как-то приехал к Эдуарду, показал ему эту бумагу, он ее полистал и говорит: «Мы бы сейчас такое не написали». Были определенное состояние и настроение. Я так думаю, что это нужно перезагрузить, с учетом актуального контекста здесь ничего не протухло, здесь, наоборот, появились дополнительные акценты, которые позволяют собирать, а не разбрасывать камни.

Культурная среда должна быть важнейшим объектом государственной культурной политики. Я сейчас связываю два понятия, которые были написаны в названии нашей секции «культурная среда» и «культурная политика». Я считаю, что важнейший объект государственной культурной политики – это культурная среда. И если бы был запрос на то, чем позаниматься Институту культуры, займитесь в первую очередь исследованиями культурной среды, разноплановыми и связанными с разными территориями. Это будет отличной задачей, с которой можно перезапустить весь институт.

Исследование культурной среды – важнейшая задача. Нужны меры по изменению культурной среды, которые с этой точки зрения выверены в контексте того, о чем я сейчас говорил. И последнее. Мне кажется, очень важно уметь оценивать, то есть нужна система качественных показателей, когда мы можем, действительно, говорить о том, что мы обогащаем культурную среду, мы развиваем культурную среду, и мы создаем условия, в которых люди получают возможность творческой самореализации, получают возможность развиваться самим и развивать свою страну. Спасибо.

Эдуард Бояков: Спасибо большое, Олег. Я думаю, что очень правильно, что мы закончили, наверное, в этом и дань названию форума. Экономика предполагает какую-то конкретику, экономика не существует без цифр, экономика не существует без измеряемых показателей – того, что должно быть понятно и рационально разъяснено, и продемонстрировано. Культура представляет другую область, о которой говорили Дмитрий и Василий Гелеван. Мы все, так или иначе, понимаем, что речь идет о сложных вещах, которые сложно описываются, которые сложно фиксируются, начиная с первого выступления и со слов Каринэ об интонации, мы приходим в зону, где эти цифры процентов роста, каких-то индексов, каких-то очень понятных рублей, долларов, валют. Здесь это не работает. Но я конечно, благодарю Олега за добрые слова, которые он сказал в адрес нашей совместной работы.

Но, если вспоминать об этой работе, то я лично должен признаться – я художник. Я делал эту работу, потому что я понимал, что ее нужно делать, а не потому, что я считаю себя, действительно, специалистом. Я не посвящаю таким исследованиям всей своей жизни, я хочу заниматься строительством театра, чем я и занимаюсь. В апреле в большой прокат выходит фильм с Михаилом Пореченковым, который называется «Русский крест» – это моя основная работа. Но не говорить о том, что прозвучало, особенно в последнем выступлении, нельзя.

Мы пришли к тому моменту, что тот ресурс, он заканчивается, тот кредит, который у нас был, он заканчивается. Если проехать по городу и посмотреть, где закачивается Москва XIX века, где Москва XVII века, где Москва 50-х годов. Если проехать по нашему городу, Москву 50-х годов мы заметим, потому что Московские высотки, основные проспекты, расширенная Тверская улица, Проспект мира, Ленинский проспект, то есть композиция сохраняется.

То, что она разрушается, то, что она сыпется, то, что она истончается, то, что происходит эрозия – это очевидно. У нас был кредит. Нового кода не появляется, город без кода, город без правила, без принципов – это не город, он разрушается. Мы живем в стране, где две столицы и нет более противоположных и непохожих друг на друга городов. И Москва, И Санкт-Петербург – это удивительные противоположности. Но и один, и второй город – это пример именно организации кода. Имеет Москва свой пространственный ключ, свой код. Имеет Санкт-Петербург свой код. И то, как это работает – это должно быть предметом

исследования. Этих исследований нет. Нет ответа на вопрос о субъектах, об объектах культурной политики.

Я думаю, что вам очевидно, что каждый из докладчиков мог бы спокойно полтора часа занять, и мы очень внимательно их слушали. Я бы хотел послушать не семиминутное выступление наших спикеров, а более серьезное по времени. Но успеть зафиксировать то, что было сказано, я сейчас хочу.

Нет органа, нет мониторинга культурной политики, нет разговора о культурной политике. Отвечая на запрос Дмитрия Кузнецова, я хочу присоединиться к словам Олега. Есть Институт культуры, который так громко называется. Если вы помните, в советское время его уничижительно называли «Кульком» в Химках. Мы оказываемся в очень интересной ситуации, когда подмосковный Институт культуры в силу своего предмета и названия может сделать работу, которую совершенно точно никакой ВГИК, никакой ГИТИС, никакая Строгановка не в состоянии провести. Потому что Строгановка и Архитектурные академии проиграли вчистую конкуренцию с Британской школой дизайна, к созданию которой Дмитрий приложил силы.

Действительно, государственные чиновники берут на работу выпускников Школы дизайна. На всех ключевых позициях в нашем государстве представители этих ключевых парадигм. При этом мы живем в стране, в которой архитектурные и дизайнерские академии имеют невероятные дворцы, миллиарды рублей дотации, и они проигрывают в конкурентном поле независимым западно-ориентированным либеральным программам и проектам.

Пришло время, это сказать. Мы можем совершить ошибку, если мы начнем обсуждать уже какую-то конкретику. Мы существуем в ситуации, действительно, отсутствия внятной серьезной картины, этой картины нет. Понимания нет. Я уверен в том, что огромное количество людей, которые сейчас воюют, включая генералов, они не обращают внимания на то, под какую музыку их внучка танцует в школьной танцевальной студии. Вот сидит генерал, патриот, он жертвует своей и чужими жизнями, но он не думает о том, что происходит в школьной среде, например.

Я хочу вам привести пример того, мимо чего мы пробегаем, когда мы говорим о культурной политике, мы не понимаем, как она работает, мы не понимаем, где эта самая культурная политика, в чем она выражается. Мы думаем, что культурная политика – это Большой театр. Культурная политика – это во вторую очередь Большой театр или Третьяковская галерея. Культурная политика – это то, что мы сейчас увидим. Мы увидим самую популярную программу определенного формата на самом популярном канале. И давайте чуть-чуть остановимся. Есть такая практика «медленное чтение». Берем какой-то феномен и чуть-чуть внимательней, нежели обычно, его рассматриваем. Давайте внимательно посмотрим, что сейчас будет на экране.

Фрагмент программы «Голос»

Можно убрать звук, а чуть-чуть прокомментирую. Не собираюсь сейчас читать лекцию про семиотику, но тем не менее, существуют очевидные вещи, существуют очевидные технологии, существуют очевидные открытия, которые были зафиксированы. Это все описано, это все объяснено в книгах Ролана Барта, Бодрийера. Описано, как это работает. Посмотрите, американский парень имеет флаг на груди, бразильская девочка имеет флаг здесь, японская девочка имеет флаг здесь, русская девочка тоже существует. Есть американец и 12 непонятно кого – апостолы.

Это действует на наших детей так, как мы не понимаем. Происходит перенастройка, это не просто дебилизация – это новый код. Опять возвращаюсь к разговору про интонацию и к разговору о строе языка. Английский код – это великий код, английский язык – это великий язык, английская культура – это великая культура. Она имеет свой код вплоть до синтаксиса, в этих предложениях существует определенный порядок. Мы начинаем мыслить так, как нам навязывают. Мы теряем способности, которые есть у русского языка. Вчера индус на секции, посвященной геополитике, потрясаяще говорил о близости санскрита и русского языка. Они действительно близки, но он по-другому устроен, это другой код.

И это суперпродукт. Когда я смотрел, я не мог поверить, что это происходит. Русская девчонка есть, она не спела ни одного слова.

(01:20:05)

Бразильянка спела, кореянка спела, американец спел. Это все четкий, рассчитанный момент, и, если мы не будем понимать, что предметом культурной политики является вот это, точно как предметом сталинской культурной политики наряду с элитарными стратегиями, о которых говорил Олег, является социальная политика, то есть массовая культура, народная песня, которая существовала в России, народная музыка. Великие композиторы, которых слушали и в России, и во всем мире. Сегодня ситуация только усугубилась. Сегодня мы не можем не создавать глобальной культуры, мы на глобальном рынке и только если мы сможем участвовать в этой конкуренции, мы чего-то достигнем.

Уважаемые спикеры, хотите ли вы что-то добавить и запустить дискуссию?

Дмитрий Кузнецов: Кроме задач по возрождению Института культуры, чтобы он не был больше «Кульком» никогда, а был великим образовательным учреждением, мы договорились с Ольгой Борисовной, что мы мониторинг результатов достижений и целей культурной политики будем делать на базе Института наследия с его директором Аристарховым. Уже выпущено официальное письмо по этому поводу. Пожалуйста, подключайтесь, потому что здесь вам есть, что сказать. В ноябрьском Указе Президента это прописано, но, к сожалению, там нет уполномоченного органа, который должен этим заниматься. Мы инициативно этот уполномоченный орган попытаемся создать.

Что касается Института культуры, мне бы хотелось, чтобы он стал не только кузницей кадров, но и инкубатором, и своего рода продюсерской площадкой для разных

мультиформатных и межкультурных проектов, коллабораций и местом, в котором можно заниматься не только мониторингом, но и прикладными культурологическими исследованиями. Я не знаю, как это сделать, поэтому, если вы сможете, я бы попросил бы вас написать что-то вроде экспертного предложения. На первой встрече рабочей группы мы его обязательно рассмотрим.

Буду лоббировать изо всех сил, чтобы в целеполагание Института культуры был положен, в том числе, и этот культурологический аспект: мониторинг культурной политики, подготовка культурологов. На западной практике академическая среда близка к исполнительной власти. Нам тоже нужно перенимать хорошее, поэтому, если будут не какие-то академические культурологи, которые в умных журналах пишут статьи, которые читают другие культурологи, а будет более живая история, где эти культурологи составят сеть экспертов, например, в Telegram, в популярных СМИ, то мы тогда сможем добиваться целей, о которых вы говорите.

Ваша помощь очень нужна, жду от вас наказ для рабочей экспертной группы.

Эдуард Бояков: Спасибо.

Владимир Машков: Я из Казани, председатель АНО «Русский мир», академик Петровской академии наук и искусств. Мы сделали информационный портал «Русская национальная культура», начиная от колыбельных песен и заканчивая художественными фильмами. Большой портал, более 2000 иллюстраций. Аналогов в мире применительно к какой-нибудь национальной культуре я при всех стараниях не нашел.

Разбиваю инициативу по трем направлениям. Первое, чтобы у каждого народа нашей любимой Родины появился информационный портал по национальной культуре. Опыт в создании которой уже у нас есть. Второе направление – чтобы у каждого народа нашей любимой Родины появилась национально-культурная столица, как центр национально-культурного обслуживания представителей данного народа на всех территориях его проживания. Например, есть маленький северный народ нивхи. У них нет ни республики, ни административного формирования. Пусть у них будет город как центр сохранения популяризации национальной культуры нивхов на всех территориях, где они проживают. И тогда у нас будет культурное влияние на весь мир.

Третье направление – праздник национальных культур, для начала российские, а потом всемирные. Спасибо за внимание.

Олег Коледов: Здравствуйте. Меня зовут Коледов Олег Геннадьевич, я являюсь главой правления Сибирского Кино-индустриального Фонда «55 ПАРАЛЛЕЛЬ». Надо определиться с понятиями. Мы сейчас говорим о культуре как о чем? Я хотел бы говорить о культуре как о возделывании, как о возвращении русского общества. Культура – это инструмент управления прежде всего. Управление обществом, государством, людьми. Это непосредственный инструмент управления психикой человека. И в этом смысле, нужно так и воспринимать культуру. Поэтому у нас и органа нет, который бы занимался управлением.

Почему? Потому что есть принцип, если ты не управляешь чем-то, это не значит, что им никто не управляет. Управление всегда есть, просто мы не видим, кто является управляющим субъектом. Если ты не управляешь, это не значит, что тобой не управляют.

Мой главный интерес – кино. Все авторитеты находятся в Москве, весь кинобизнес, весь кинорынок формируется в Москве или в Санкт-Петербурге. В чем заключается моя идея. В том, что необходимо создавать новые центры киноиндустрии. Я предлагаю в Сибири создать такой альтернативный центр культуры, который бы делал нравственно-патриотический контент. Ведь именно в Сибири, как нигде проявлены эти русские качества. Многие знают, что в Сибири самый чистый русский язык без всяких акцентов, говоров и т.д. Я предлагаю сфокусировать ресурсы на создании такого центра «Нового евразийского культурного центра». Я его называю «Новая Скифия» не просто так, а потому что выходцы из Великой Скифии живут по всей Европе. Те же шотландцы признают себя выходцами из Скифии. По сути, мы являемся корневой нацией и потомками тех, кто является прародителями белой расы. Соответственно, те, кто живут в Европе рано или поздно потянутся к нам, если мы сможем дать им мощный прорывной контент, мощную информацию, идеи и смыслы. Спасибо.

Каринэ Геворгян: Мне очень нравится слово «смыслы». Греческое понятие *ontus*, отсюда онтология.

То, что вы показали – это уходящие натура, которая и будет уходить. Это, конечно, поделка, которая читается в семиотическом плане на раз, как говорится. Не надо утруждаться, чтобы понять, что это такое и для чего. Действует это довольно давно, набирало силу с 60-х годов. Да, эти поделки работали, но больше они работать не будут. Нам нужна онтология. Обществу онтология транслируется через образы. И эти образы нужно создавать, а для этого нужен талант, потому что все жанры хороши, кроме скучного, как известно.

Совершенно согласна, нужны институты, огромное спасибо, что вы это расписали. Одно другое не отрицает. Хотела сказать очень важную вещь. Это кажется, что Москва потеряла метафизику, это неправда. Есть книга Рустама Рахматуллина «Две Москвы или метафизика столицы». Это такой город, который сотрет и пережует все, что ему не нравится, в конечном итоге. Это удивительный город. Да, местами произошел некроз тканей, например, Арбат. Ну и ладно. Тот же Рахматуллин говорил, что там всегда жила фронда государственной власти.

Может, хорошо, что его так раскатали, хотя я там родилась, и мне ужасно обидно. А этот район абсолютно живой, и в Кремле до сих пор живут семь соколов, как это было и при Дмитрие Донском, и при Сталине, и сейчас. Мы свой консерватизм глубоко прячем, мы просто очень любознательны, и иногда эта любознательность слишком далеко нас заводит. Это не от доверия, русский человек невероятно лукав, он все время притворяется более глупым, чем может быть. Для чего? Потому что он, как скиф, заманивает врага, наблюдает за ним, чтобы враг полностью проявил свой ресурс и потенциал. И только потом, когда русский человек изучил это – русский язык синтетический в отличие от аналитического

английского – синтезировал это и понял, как с наименьшими затратами его победить. А до этого нужно притвориться, что ты полностью им покорен. Это старая тактика, и по-другому у нас не получится.

Главные две проблемы обозначил историк Сергей Соловьев – это огромные растянутые морские границы, их протяженность, и дефицит населения. Это наша вечная проблема. Русский суперэтнос не потому, что он такой добренький. Сложилась цивилизация, в которой каждый живет, развивается и не ломается через колено. Может быть возникла эта ментальность и распространяется на всех.

Что касается православия. Исследования относительно субкультурного влияния православия и идейного влияния православия на другие конфессии внутри русской цивилизации не проводились, а такое влияние есть, и оно очевидно и очень интересно. Почему бессознательно наши народы, проповедующие другие религии, с нами говорят на одном языке? Потому что субкультура православной русской цивилизации создала эти условия. И наши народы: мусульмане, иудеи и т.д. это впитывали. Я думаю, несомненно что-то общее есть в старчестве в православии и цадикизме в иудаизме. Такие фундаментальные исследования не проводились, а они могут дать ключи к будущему. Спасибо.

Василий Гелеван: Дорогие друзья, буквально один комментарий в завершении этой темы. Меня, действительно, это занимает и занимало и вчера и в те годы, когда я восемь лет был в Рио-де-Жанейро настоятелем Храма Святой Мученицы Зинаиды, я думал в том числе и об этом. Как так получается, что православные миссионеры, приходя в какую-то землю, проповедуют «Евангелие», бережно относятся к наследию. Это было и при Кирилле и Мефодии, когда они приехали к славянам и аккуратно, учитывая то наследие, которое было, создали свое, проповедовали кириллицу. Я могу продолжать этот список, но я не буду это делать, только скажу, что перед моими глазами в течение восьми лет был совершенно обратный пример. Когда конкистадоры нещадно истребляли все то, что там было: инков, ацтеков и т.д. Все это просто пустые названия, мы бесследно потеряли целую цивилизацию. Никогда в православии такого не было. Возьмите этот тропарь Рождества Христова, в нем поется про солнце правды. Замечательно, 25 декабря – день солнцестояния, день поклонения Ярилу. Все это сублимировано, потому что старую форму православный христианин наполняет новым содержанием. И это мне особенно дорого, поэтому я рад, что я православный человек. Спаси, Господи.

Сергей Порохин: Здравствуйтесь, меня зовут Порохин Сергей Алексеевич, технарь по образованию, закончил кафедру в Бауманке, служил в армии, я полковник в отставке, окончил Бронетанковую академию, защитил кандидатскую диссертацию по философии, русский поэт.

Меня привозили на лето в Архангельскую область к дедушке и бабушке. У нас была корова, ходили на сенокос за три-четыре километра, потому что рядом все было колхозное, и нельзя было косить. И моя слепая тетушка заставила меня выучить «Песнь о вещем Олеге»,

мне было всего шесть лет. Я многие слова не понимал, но полюбил рифму. И начиная со школьного возраста, я стал писать стихи. На этой конференции я записал порядка 150 чужих слов, которые ученые «впаривают» молодежи.

Я преподавал философию, но попал под сокращение. Потом я работал в Институте военной истории, но меня там сократили, потому что от многих задач, которые ставились сверху, я отказывался. Нам сейчас нужно сражаться за чистоту русской речи. Я помню в детстве, как пели песни. Песни были уникальные. В Студенческие времена я на Старом Арбате заплатил огромные деньги по тем временам 10 рублей за пластинки Шаляпина. Такие песни были уникальные, не перечислить. Шаляпин, Козловский, Лемешев – вот, что должно сохраниться. Сейчас по телевизору у нас папуас-культура.

Эдуард Бояков: Спасибо.

Наталья Чернова: Добрый день, Чернова Наталья Алексеевна, компания «Медицинский альянс», Москва, управляющая компанией «Миасс» Челябинская область. Я коренная москвичка. Спасибо большое за все, что здесь было сказано. Но, если бы хотя бы 10% от того услышали жители Миасса, а это город с численностью 150 тысяч человек. Это культурные люди. Не доносится туда. Что такое культура? Все три части, которые вы обрисовали, мы прошли своими ногами, учитывая, что мы не знаем, куда идти. Это очень четко нужно сделать на одном маленьком регионе, показать пример. Мы готовы, приезжайте. Иначе, будет много слов только. Я коренная москвичка, живу на Котельнической набережной в высотке 50-х годов. У нас очень много экскурсий, то есть деньги на нашем доме зарабатывают хорошо. Проходя мимо, я все время слышу, что здесь жила советская элита. Висят бюсты Непобедимому, Вознесенскому, расскажите, какие они были специалисты. Кто сейчас ведет работу гидов в Москве? Я все время думаю о том, что, когда мы победим и когда вернутся ребята, у них будут другие ценности и начнется то, что мы с вами уже переживали когда-то.

Мне в этом году 60 лет, и я понимаю, что это такое. Ну зачем же нам это опять?

Вот работа гида – это то, за что люди платят 200-400 рублей или больше, это хороший бизнес, но ими должна доноситься нормальная информация. Проходя мимо, мне хочется встать перед этим народом и сказать: «Вы за что платите? За то, чтобы вам рассказали, как украли бриллианты женщины? Кто был любовником и дарил эти бриллианты? Или все-таки о тех людях, которые реально что-то сделали для страны!»

Спасибо.

Эдуард Бояков: Будем завершать нашу дискуссию. Большое спасибо!